

ПРОЛОГ

Что вы знаете о боли?

Это ледяные глаза канцлера Фроста.

Что вы знаете о смерти?

Это нескончаемая череда божественных страданий.

Что вы знаете о любви?

Это мое спасение.

А.

Лазурная гвоздика, стоявшая в сияющей хрустальной чаше, увядала.

— Я умираю, подойдите ко мне, дочери мои, — проговорила королева Агния.

Трое девушек присели подле нее, склонив головы с красиво уложенными локонами. В их русых волосах сверкали диадемы с жемчугами, рубинами, сапфирами. Юные принцессы не привыкли себе в чем-то отказывать.

— Может, я бы и хотела, чтобы королевой стала одна из вас, — сказала худощавая женщина на смертном одре, — но этому

не бывать. Вы мои наследницы, но вы не наследуете мне. Грааль всегда призывает ее, свою королеву, где бы она ни была, понимаете?

Девушки, потупив взгляды, отвернулись от умирающей матери.

— Когда я вернусь к вам, вы будете уже гораздо старше и, надеюсь, мудрее. Слушайте меня внимательно — я доверяю вам тайну избрания королевы. Совет Хранителей Грааля уже наготове, они знают, что я умру с минуты на минуту. Они ждут. И я чувствую приближение... Инкарнации.

— Инкарнации? — спросила старшая из дочерей, Даная, с надменным изгибом бровей и тонкими, поджатыми губами. — Что вы говорите, Ваше Величество? Что это значит?

Принцессы обменялись тревожными взглядами, и от Агнии это не ускользнуло. Должно быть, они считали ее умалишенной. Каждая из них хотела бы сесть на трон, но это было, к их величайшему сожалению, невозможно. Или к счастью.

Принцессы не владели силой и светом Грааля, они не знали всего, что знала она, поэтому и наследницей могла стать... только она сама. Как это всегда случалось уже долгие столетия. В ее памяти хранилось множество инкарнаций, но все они скорее напоминали дым. Кровь истинной королевы должна была возродиться вновь, но не так, как могли бы подумать дочери.

— Когда я умру, — вновь заговорила Агния, — моя душа перейдет к девочке, рожденной, как и всегда, в течение сорока дней после моей смерти. Моей последней волей Граалю, конечно же, будет защита Монсальваж. Я не могу знать, сколько продлится мое покровительство, но вы должны продержаться. Восемнадцать лет... вам следует охранять королевство восемнадцать долгих лет, пока новая королева не наберет силу и не откроет Грааль.

— Как мы узнаем ее... точнее, тебя? — спросила младшая из сестер, Элейна, всегда такая смышленная.

— У сорока девочек будут магические отметины — Хранители позаботятся об этом. — Королева Агния посмотрела на одиноко стоявший в чаше цветок, который будто бы приближал ее собственный уход.

— Но от кого нам нужно защищаться, матушка? — спросила Кларисс, средняя сестра, с присущим ей простодушием. — Монсальваж — самое безопасное место во всем мире.

— Это так, мои дорогие. Было так. Пока жива королева, Всадники не могут проникнуть за наши стены. Как и их Король.

Агния хотела рассказать им больше, куда больше, но ее время пришло.

— Берегите королевство. И Грааль. А когда я вернусь, будьте милосердны. — Так королева дала им последний завет.

Ее глаза закрылись — она умерла слишком спокойно, испустив дух так легко, что дочери сперва решили, что матушка задремала.

Но когда стало ясно, что грудь ее больше не вздымается, Даная поднялась с королевской постели и подошла к дверям.

Чаша, что осталась за ее спиной, потускнела, лишившись своего чарующего сияния.

— Сестры, — прошептала Кларисс с некоторой долей отчаяния, — Грааль... он уснул. Неужели мы остались без капли магии? Что мы скажем народу? Они же не смогут без нее! Мы не сможем...

Даная бросила на сестру недовольный взгляд и распахнула двери.

— Королева умерла! — объявила она громко.

Справа от нее, шурша юбками, появилась младшая дочь, Элейна, и тихо шепнула сестре:

— Нам понадобится новый канцлер. Старик Ваймер мне порядком надоел своими разглагольствованиями.

— Тьма или свет? — спросила Даная, обернувшись и взглянув на плачущую возле матери Кларисс.

— Конечно, свет, — усмехнулась Элейна.

— Тогда пусть будет яд.

Элейна прыснула со смеху.

— А что ты тогда загадала на тьму?

Даная не ответила, лишь изогнула губы в улыбке и шагнула за пределы королевских покоев.

— Да здравствует королева! — прошептала она так тихо, что не расслышала даже сестра.

Шел 372 год после объединения Англии и Франции, которые ныне именовались королевством Монсальваж, иначе говоря – «Мое спасение». Именно там хранился Святой Грааль Ее Величества, ныне дремлющий, но ищущий свою избранницу. Это был год правления принцессы Элейны, самой хрупкой и прелестной из трех сестер-регентов. Ее Высочество отменила высокий налог на роскошь, установленный в год правления принцессы Данаи, и жизнь вновь забила в королевстве пышным фонтаном празднеств. Однако за шумной завесой балов и фестивалей все предвкушали другое событие. Заканчивался восемнадцатилетний срок «немилости Грааля» – и в этот волшебный Йоль, приближаясь к дню зимнего солнцестояния, все ждали избрания Королевы и возвращения магии в Монсальваж. Но не все знали, что в самую длинную и магическую ночь за последние восемнадцать лет возродился и Солнечный Король, которому суждено вместе со своей верной свитой вернуть долги прошлого, ведь клятвы, данные на Йоль, особенно сильны.

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Пыль неторопливо скользила по воздуху, и Адель заворуженно следила за движением мельчайших частиц, будто пытаясь разглядеть в них магию, о которой столько мечтала с самых малых лет. Интересно все же, как жилось ее родителям еще при правлении самой Королевы, уже почти двадцатилетие назад. Возможно, им даже не приходилось делать уборку, полагаясь на магию! Однако родные предпочитали умалчивать о днях своей молодости.

— Поправь портрет королевы Агнии, — попросила мама, раскладывая подушки на кушетках.

Золотые кисточки, одно из немногих украшений их дома, игриво ластились к маминой левой руке, совсем как дети. Правой она почти ничего не касалась, и та, закрытая тонкой перчаткой, безжизненно висела вдоль тела. Проклятая болезнь!

В дни праздника мама всегда доставала из коробок позолоченные подсвечники, ленты, сверкающие стеклянные игрушки и белоснежные фигурки фей и эльфов с прозрачными крыльями.

Потом они всей семьей принимались за венки из ели и паду-ба — верили, что это принесет благосклонность природных духов. Но в безмятежной зелени листьев и иголок можно было узреть и намек на бессмертную душу Святой Королевы Агнии Великолепной.

Летописи гласили, что королева возвращалась всегда, точно так же, как крутилось Колесо Года, — бесстрастно и непрестанно. Она могла предстать в любом виде, но не посмела бы оставить свое королевство и подданных без защиты небес и Грааля.

Адель вышла из задумчивости, ее бровь поползла вверх, как и каждый раз, стоило ей взглянуть на портрет. С некоторым презрением и даже завистью, которую она сама не признавала, Адель разглядывала членов королевской семьи — статную королеву Агнию с синей геральдической гвоздикой в подвеске. На ленте красиво извивалась надпись *«Любая может стать королевой»*.

Агнию окружили трое ее еще юных дочерей. Бледной тенью стоял рядом принц-консорт, не имевший никакой власти ни над королевством, ни над своей супругой. Всем, как уж завелось, заправлял избираемый Канцлер, а королева была не более чем украшением дворца. И, конечно, символом надежды.

Насколько Адель знала из истории, принц-консорт ушел в мир иной в том же году, что и королева, — угас как свеча. От тоски, должно быть, подумала Адель и пожала плечами. Какое ей было дело до исчезнувшего старика?

Интереснее было представить себе принцесс. Как же им все-таки повезло! Родиться в роскоши и достатке. Единственной их проблемой, наверное, был выбор платья или блюда на завтрак, обед или ужин. После смерти своей матери, королевы Монсальваж и Хранительницы магии Грааля, они только и делали, что растрчивали нажитое предками добро, — об этом шептались все за Стеной.

Стань Адель сама королевой... она бы многое изменила: в жизни обычных людей и в жизни своей семьи. Будь у нее магия, она бы, конечно же, сразу исцелила маму.

Правда, если верить преданиям, королевой могла стать любая. И совсем скоро начнется новый отбор.

По позвоночнику Адель пробежали мурашки, оставляя будто изморозь. Как ей попасть во дворец? Ведь мало кто знает, когда точно и где будет проходить отбор. Наверняка в пределах дворца есть хоть какие-то сведения, но разве кто-то станет докладывать такую важную информацию простолюдинке? Пусть она и лучшая мастерица шляпок и прочих аксессуаров на все королевство — после своей матушки, конечно.

Претендентки, если верить слухам, были прекрасно обученными всем придворным манерам девушками. Поговаривали, что восемнадцать лет со дня смерти королевы Агнии их, подобно цветам, возвращали во внутренних дворах Монсальваж, холили и лелеяли, чтобы одна из них в назначенный час стала королевой.

И все же... *любая*... к чему тогда это странное изречение?

Адель с самого детства казалось, что у нее забирают нечто важное. Даже не так: ей не дают шанса взглянуть, какой может быть жизнь по ту сторону городской стены. Она уж точно не была претенденткой и не обучалась особому этикету. Ее учили держать нитку с иглой и булавки, разбираться в тканях и улыбках клиентов. Что ж, их лицемерные маски она различала с ловкостью. А если она все же смогла бы выжить при дворце? Только как туда попасть? Она уже несколько недель обдумывала идею заменить там кого-то из прислуги, но как это поможет ей? Адель не желала быть прислугой, нет, нет и нет.

— Адель! Опять ты замечталась, — поругала мама. — Протри каминную полку и расставь свечи, дорогая. К завтрашнему ужину все должно быть готово. Мы же не хотим оказаться на Йоль

в пыли и грязи. И ты приготовила уже помандеры с гвоздикой? Нужно подарить их Корвинам.

— Да, матушка, — вздохнула Адель, возвращаясь с небес на брентную землю.

В гостиную влетела шестнадцатилетняя Мира и их младший братик, Грег, который размахивал деревянным мечом.

— Грег! Осторожнее! — Мама чуть ли не подпрыгнула. Она засуетилась по комнате, стараясь сохранить видимость порядка, а заодно и несколько хрупких ваз. — Вот же непоседа! Ах, Грег, ты маленькая негодная пуговка!

Адель переглянулась с сестрой и заулыбалась: слушать милую мамину брань всегда было забавно. Даже когда она злилась, ее напускной грозный вид вряд ли мог кого-то испугать.

— Тогда, может, мы начнем собираться в часовню? — с надеждой спросила Адель, желая уже вырваться из дома в холодный йольский день.

Адель окинула взглядом их гостиную, с удовольствием рассматривая хвойные венки, которые они сделали вместе с сестрой. Самый роскошный, из омелы, конечно, висел над входной дверью, якобы оберегая дом от всякого зла. По старинным преданиям, в такие особенные дни, как Йоль, всякая нечисть околачивалась на улицах королевства, но проникнуть в дом, защищенный омелой, не смогла бы.

Адель встряхнула головой, вдыхая ароматы пряностей и семейного уюта. Неужели ей действительно так хотелось променять все это на королевскую роскошь?

В глубине души — очень хотелось.

Сегодня в честь дня рождения королевы Агнии и скорого появления новой правительницы обещали выставить на всеобщее обозрение главную реликвию Монсальваж — прекрасный Грааль. Адель видела его только на рисунках и ни за что не упустила бы возможности оказаться рядом с этим волшебным

предметом. А еще лучше — прикоснуться. Говорили, что Грааль мог указать твою судьбу, а тот, кто испил из Святой Чаши, мог сам создавать свое будущее. Да чего только не говорили про Грааль! И Адель собиралась все проверить.

Она-то уж знала, что загадать!

Когда вся семья приготовилась к выходу, толпясь возле зеркала, мама, как всегда, поправила на каждом верхнюю одежду или шляпу.

— А нам обязательно идти? — простила Мира, стоило маме неуклюже накинуть ей на плечи теплую вязаную шаль из белой пряжи. — Там же... бррр... холодно!

— Ты же знаешь, мы обязаны почтить память королевы Агни в часовне! Это наш долг перед короной, — побранила ее мама. — И, конечно же, спеть пару йольских песен в яблоневом саду!

— Какая глупость, петь песни деревьям, — выдохнула Мира. — Да еще зимой!

Мощи королевы хранились в аббатстве Сен-Мишель, куда в день ее рождения стекались горожане. Адель совсем недавно отпраздновала свое девятнадцатилетие, всего за несколько дней до этого. Сегодня народу будет куда больше обычного, и Адель даже принарядилась: прикрепила к плотной шерстяной ткани сизого кейпа брошь с букетиком искусственных цветов, да и шляпку выбрала не простую, а украшенную прекрасной голубой лентой, которая извивалась, словно волна на поверхности Нордического моря, и прекрасно сочеталась с ее светлыми волосами. Она была очень довольна своим нарядом, и, если по пути им встретятся Таргюсоны или Меритоны, она точно не засмущается. Она, Адель Прекрасная, идет завоевывать Монсальваж!

Такой был у нее душевный подъем, что даже глаза, обычно бледно-зеленые и не слишком выразительные, казалось, светились изнутри. И хотя Адель была довольно практичной

и рассудительной особой, в глубине души плескалось предвкушение и вера, что вот-вот ее жизнь переменится самым неузнаваемым образом. Корона уже чуть ли не мерещилась ей наяву, что уж говорить про сны...

— А это что такое? — спросила мама, возвращая ее из мира грез.

Адель сначала почувствовала, а потом и увидела вмешательство в свой образ: мама открепила брошь от ее кейпа, оставив его абсолютно ничем не примечательным. Одна деталь — а такие перемены. Внутри Адель будто что-то оборвалось, но она, по обыкновению, не позволила себе предаваться унынию.

— Я подумала, что так будет краше. — Адель расправила плечи и улыбнулась. На маму это не подействовало: она спрятала брошь в карман и молча передала Адель простую серую шляпу.

— Ты и так красива, моя дорогая! Никакие украшения не нужны для того, чтобы увидеть это. К тому же королева Агния...

— Мама, сейчас ведь правление принцессы Элейны, и мы можем позволить себе чуточку роскоши, разве нет? — В голосе Адель появились нотки раздражения. Пусть ей и не хотелось расстраивать маму, но та постоянно лишала их с сестрой возможности прихорашиваться. Будто это было чем-то постыдным.

Взгляд Адель скользнул к правой руке мамы, закрытой сейчас плотной перчаткой. Адель знала, что прячется за слоем ткани: недуг, который за последние пару лет стал все чаще встречаться в королевстве, особенно у тех, в чьем доме царил благополучие. Поговаривали, что магия Грааля была на исходе, и он якобы забирает силу и таланты у обычных жителей, а скоро королевство и вовсе ждут и чума, и война. Лекари не справлялись с этой неизвестной болячкой: стоило получить даже незначительную царапину, и рана могла и вовсе не зажить. Той, кто работал с ножами и иглами, приходилось быть особенно осторожной.

Сердце Адель сжалось. Эта беда не обошла их семью стороной. Лекарь Ностр повторял, что это лишь вопрос времени, но Адель отказывалась верить.

— Адель, милая моя, оставь все это веселье для других, — проговорила мама и снисходительно улыбнулась, — это удел «белых дам».

Адель только и оставалось, что сердито вздохнуть. «Белыми дамами» называли состоятельных женщин, живших за Стеной, вдали от торговых и промышленных кварталов Монсальваж. Их жизнь была совсем другой: чаще всего им не приходилось работать, чтобы обеспечивать свои нужды, для этого существовало родовое наследство. Адель не могла пожаловаться на свою жизнь, ведь у нее было все, что может хотеть обычная девушка. Свой угол, любящая семья, недурная внешность и перспективы выйти замуж.

Но отчего-то ей хотелось большего.

Они вышли на припорошенную снегом улицу, слушая причитания Миры и веселый смех отца, который вел их шествие. Отец с матушкой ушли чуть вперед, взяв за руки Грега, который временами поджимал ноги и заставлял их раскачивать его. Мира вцепилась в руку Адель, боясь поскользнуться, — тротуар покрылся толстой коркой льда. Улочки здесь были узкими, петляющими, серыми. Дома стояли так плотно друг к другу, что, казалось, можно заглянуть в окна соседям, не выходя за порог, и передать моток ниток, если твой вдруг некстати закончился.

Наконец они свернули на более просторную улицу, вымощенную белым камнем. Мама называла эту дорогу «тропой королевы», рассказывая им с Мирой разные легенды. По этому пути якобы пришла самая первая королева Монсальваж и основала Дворец-на-Холме, установив в самом его сердце Святой Грааль. Явилась она из темного-претемного леса и принесла с собой свет Истины. Возможно, случилось это после Великого

Потрясения, когда сдвинулись материка, и прежние королевства Франции и Англии оказались соединены сушей, или, может, намного раньше... но это ведь всего лишь легенды, в которые Адель не так уж и верила, в отличие от своей суеверной матери.

Однако существование Святого Грааля никто отрицать не мог.

Им по пути, как назло, попались Меритоны — четверка чванливых братьев и их мерзопакостные сестрички-близняшки. Старший из Меритонов в прошлом году сватался к Адель, но она его без зазрения совести отравила восвояси.

— Смотри, он, кажется, опять строит тебе глазки, — хихикнула Мира. — Или лучше сказать — бровки? — Адель мельком глянула в сторону Меритонов — Томми и впрямь смешно водил кустистыми бровями, будто бы придавая себе важнецкий вид. На самом деле он слыл настоящим дураком! Но, может быть, ей и не нужен был слишком умный муж... тогда она смогла бы управлять им?

— Да будь я последней женщиной на земле, а он последним мужчиной, чтобы я посмотрела в сторону Меритона, — ровным тоном произнесла Адель. — Томми! Кто додумался так назвать своего наследника? — Они с Мирой прыснули со смеху, выпуская в воздух облачка пара.

— Когда-нибудь и твое сердце украдут, наша несравненная Адель, — шепнула ей сестра, потирая покрасневшей нос.

Мира была ниже ростом, с милыми светлыми кудряшками, которые выбивались из-под шляпы и красиво обрамляли ее круглое личико.

— Не говори ерунды, Мира! — сказала Адель и улыбнулась уголком губ. — Ни один мужчина никогда не станет для меня важнее, чем я сама. И моя семья, конечно же, — не забыла добавить она. — Ты ведь знаешь, для чего нужны мужчины?

— Для защиты? Для уюта и стабильности? Для любви? — задумчиво отозвалась Мира.

— Ну конечно, — хмыкнула Адель. — Пускай именно так и думают! Какая любовь, Мира? Только подумай, ну кому она правда нужна? Я выйду замуж только за того, кто сможет меня всем обеспечить. Ох, это будет долгий отбор... — Улыбка Адель стала шире.

— Так ты и вовсе останешься старой девой! — укоризненно отозвалась сестра.

— О ужас! — остроила рожицу Адель. — Как же так, я не стану рабой мужчины!

Похоже, она сказала это достаточно громко, чтобы привлечь внимание Меритонов и, к несчастью, своего отца. Он обернулся и хмуро посмотрел на нее — и Адель вспомнила их последний спор про женихов. Хорошо, что мама встала на ее сторону.

Адель прикрыла рот рукой, совершенно не сожалея о сказанном.

— Я добьюсь всего сама, — выдохнула она, ловя морозные слова ладонью.

За воротами простирался совсем другой Монсальваж: улицы перетекали в проспекты, повсюду возвышались деревья, укутанные на холодное время года белой тканью, будто саванами.

Все дороги и здания вели, конечно же, к самому Дворцу Грааля, Дворцу-на-Холме, но их процессия сворачивала с «тропы королевы», направляясь к аббатству, перед которым раскинулась широкая площадь. Здесь собралась приличная очередь — все хотели прикоснуться к реликвии, — а еще с минуты на минуту ожидали прибытия королевских особ. Адель хотелось мельком взглянуть на принцесс, пусть она и будет завидовать их положению. В глубине души горел интерес: как они появятся перед народом, во что будут одеты, сколько морщин прибавилось на их беззаботных лицах. Но было и еще малюсенькое любопытство — сегодня сам Канцлер обещал явиться народу. Неслыханное событие!

Канцлер Фрост был самой пугающей личностью во всем королевстве, о нем знали все, но мало кто его видел. О нем рассказывали жуткие вещи, и это странным образом будоражило Адель, которая представляла себе чудовище во плоти. Человек, который железной хваткой держал все королевство, подчинив себе даже принцесс, не мог быть добрым волшебником.

Адель вновь окинула взглядом площадь и очередь: нет, так дело не пойдет, решила она. Здоровье мамы и так шаткое, зачем рисковать... если можно немного сократить путь?

— Ты куда? — Мира потянула Адель за рукав, когда та сделала шаг в сторону.

— Увидела знакомого, сейчас вернусь, — пообещала она сестре и, отцепив ее ладонь, пошла вперед.

Она и впрямь увидела знакомое лицо, покрытое конопушками. Это был Маркус, служитель аббатства, который иногда приходил раздавать хлеб детям с улиц рабочих районов. И он всегда краснел при виде Адель, когда она появлялась за витриной родительской лавки.

— Эй, Маркус, погоди! — окликнула она, догнав парня. — Привет... — запыхавшись, сказала Адель.

Парень ошарашенно посмотрел на нее, и она тут же включила все свое очарование.

— Привет-привет, дорогой! Как же приятно увидеть в такой толпе знакомого!

— Зна... знакомого? — заикаясь, произнес парнишка.

— Конечно! Человек, который помогает нашим детишкам, мой настоящий друг!

Адель взяла парня под руку и подвела ближе к зданию аббатства.

— Тут такие очереди! Такие очереди! Ох, моя бедная мама...

— А что... что с вашей мамой?

Парнишка покраснел от ушей до лысой макушки.

— Она так хотела увидеть Грааль...

Адель чуть ли не всплакнула — при желании у нее это неплохо получалось.

— Ваша мама... она... — И паренек поднял голову, устремив взгляд в небо.

— О! Нет, конечно! Не настолько! Береги нас всех Королева! Но ты можешь нам помочь, Маркус... — Адель захлопала ресницами и довольно мило улыбнулась, надеясь, что не перестаралась. — За небольшое вознаграждение, само собой, — шепотом проговорила она, глядя на мальчишку так пронзительно, что ему не оставалось ничего другого, как сдаться.

Спустя несколько минут Маркус провел их семейство через боковой вход, впуская в часовню с Граалем — к их счастью, для большинства посетителей наступил перерыв, и они могли побыть наедине с реликвией. Родные поразились доброте молодого человека, посланного им самой Всевышней Королевой, а их настоящая благодетельница довольно быстро вытолкала Маркуса за дверь, прежде чмокнув его на прощание в лоб.

— А... а вознаграждение, — чуть дрожащим, виноватым голоском произнес парень.

— Это оно и было! — кротко отозвалась Адель. — Не позволяй искушению завладеть тобою!

Пока отец, Мира и Грег разглядывали чашу на красивом возвышении из монолитного розового камня, а мама стояла перед ней на коленях и произносила слова благодарности своей «покровительнице», Адель обошла реликвию по кругу, будто страшилась приближаться к ней. У нее совсем мало времени! А Грааль, вот он же, прямо перед носом. Чаша была массивной, из красивого камня с золотыми прожилками. Внушительной, ничего не сказать!

Но что-то заставило Адель задуматься: неужели она правда вот так просто попала к Граалю? Она нахмурилась и подошла ближе, а потом...

— Нет, что ты делаешь! — окликнула ее мама. — Не прикасайся, это святыня!

— Разве не стоит прикоснуться к Граалю, чтобы случилось чудо? — Рука Адель замерла совсем близко от чаши.

— Не нам, простым смертным, касаться чего-то столь великого, — с некой торжественностью произнесла мать.

— Если не нам, то кому, — шепотом ответила ей Адель. И все-таки положила руку на чашу.

Но ничего необычного не произошло. Ни тебе сияния, ни божественного озарения. Камень охладил ладонь, не более, а когда Адель поскребла ногтем по золотистой жилке, та... немного отошла.

Адель усмехнулась, но промолчала. Возможно, родителям этого знать необязательно, но теперь она укрепилась в мысли, что Грааль ненастоящий.

Будь она королевой, разве выставила бы самую главную драгоценность напоказ? Если внутри Грааля дремлет магия, ее нужно охранять особенно тщательно.

И все же родители остались довольны посещением аббатства, чего не сказать о самой Адель. Когда они вышли на площадь, там уже происходило нечто интересное: среди хлопьев снега, которые стали воистину огромными и в то же время невесомыми, как кусочки органзы, на площадь на белом «единороге» въехала принцесса-регент Элейна. «Единорог» представлял собой белого коня, увенчанного диадемой с острым прозрачным кристаллом на манер рога.

Адель зачарованно следила за процессией. Казалось, что Элейна совсем не изменилась, оставаясь молодой улыбающейся девушкой. По крайней мере, так выглядело издалека. Ее бархатное

бордовое платье красиво контрастировало с окружающей белизной и горностаевой мантией. Распущенные темно-русые волосы волнами струились по плечам. Она была изящной, цветущей, прекрасной. Как и положено...

Но нет, она все-таки не была королевой.

И от Адель не ускользнуло, как недовольно она кривила красивые губы.

За поводья вел коня-единорога рыцарь в старинных доспехах и белоснежном плаще. Эти двое смотрелись потрясающе! Дама и ее рыцарь. Он шел твердо и напористо, и только сейчас Адель поняла, что главная фигура — это именно он. Из-под шлема выбивались черные кудри волос. Он был высоким, широкоплечим, а о лице его она могла лишь гадать.

— Это же Канцлер... — В толпе послышался шепот. — Посмотрите на герб...

— Всем на колени! — раздался громкий приказ.

Все внутри Адель напряглось: ей казалось, что эти варварские обычаи ушли в прошлое. Но нет, дамы и господа, собравшиеся здесь, все до единого опустили на одно колено перед своими правителями. Канцлер заправлял всем, а вовсе не принцессы. Да и те никак не могли его поделить. Что же он за человек?

Так уж вышло, что семейство Белерон оказалось совсем недалеко от процессии. Их подтолкнули ближе к принцессе, которой помогли сойти с коня, и ее устрашающему спутнику. Они, подобно иллюзорному единорогу, будто сами явились из легенды в своих несколько устаревших костюмах. К чему этот спектакль?

Сама не понимая как, Адель оказалась на коленях перед принцессой и Канцлером, которые подавали руки для поцелуев. Вот и мама с отцом склонились перед ними, и Мира с маленьким Греггом... и она сама.

Душа Адель хотела вырваться из тела и избавиться от оков этих странных условностей. Она не была предана сердцем

принцессе, а уж тем более Канцлеру с его кошмарной репутацией. Будь на их месте она, то не стала бы унижать других.

Тонкая ладонь с перстнем, в котором сверкал огромный рубин, протянулась к ней. Адель едва прикоснулась губами к камню, успела оценить пошив перчаток — и могла сказать, что работа была неважной. А следом — металлическая рука канцлера. Холод его перчатки. Только сейчас она заметила морду льва, смотревшего с герба на его груди. И было во взгляде этого зверя столько злости, что Адель против своей воли задрожала.

Она осмелилась чуть поднять подбородок, взгляд пополз выше, к прорезям в шлеме, откуда на нее сердито смотрел Канцлер. Адель не знала этого наверняка, скорее догадывалась, — а может, так сверкали его глаза. Или же ее просто слепило солнце. Металлическая перчатка вдруг обхватила ее лицо за подбородок, Адель вздрогнула, распахнула губы, вдыхая морозный воздух. Этот жест застал ее врасплох.

Но Адель уже толкали следующие в очереди, чтобы тоже получить «благословение» Канцлера. Металл скользнул мимо ее губ, и вот уже Адель снова оказалась в толпе, прижимая руку к груди. Отчего-то сердце так сильно колотилось...

